

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО В ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Сборник статей по материалам
VII Международной научной конференции,
посвященной 180-летию В. О. Ключевского

г. Пенза, 23 сентября 2021 г.

Часть 1

ПЕНЗА 2021

УДК 947(093)

ББК 63.1(2)52-81я43

Т28

Р е ц е н з и я

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического факультета
Пензенского государственного университета

О. А. Сухова

**Творческое наследие В. О. Ключевского в истории,
культуре и литературе** : сб. ст. по материалам VII Между-
нар. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения
В. О. Ключевского (г. Пенза, 23 сентября 2021 г.) : в 2 ч. –
Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. – Ч. 1. – 188 с.

ISBN 978-5-907521-41-4

Представленные работы затрагивают различные аспекты научного наследия В. О. Ключевского, а также актуальные проблемы истории, культуры России и духовно-нравственного состояния современного российского общества.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей Пензенской области.

УДК 947(093)

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т :

Сердцев А. П., директор ГБУК «Пензенский
государственный краеведческий музей»;

Кладов В. Ю., к.и.н., заместитель директора по научной работе
ГБУК «Пензенский государственный краеведческий музей»;

Берлякова Н. П., к.и.н., профессор, старший методист
Центра гуманитарного образования ГАОУ ДПО «Институт
регионального развития Пензенской области»;

Плешков А. Н., заведующий Музеем В. О. Ключевского
ГБУК «Пензенский государственный краеведческий музей»

ISBN 978-5-907521-41-4

© ГБУК «Пензенский государственный
краеведческий музей», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Берлякова Н. П.</i> Научные сообщества Москвы в творческой лаборатории В. О. Ключевского.....	6
<i>Власов В. А.</i> Профессор В. О. Ключевский в воспоминаниях учеников.....	16
<i>Гагаев А. А., Гагаев П. А.</i> В. О. Ключевский. Философия русской истории	25
<i>Горланов Г. Е.</i> Становление русского языка в интерпретации В. О. Ключевского.....	30
<i>Кондрашин В. В.</i> Александр Сергеевич Попов – исследователь творческого наследия В. О. Ключевского	37
<i>Минникова Л. В., Бендер Д. Г.</i> В. О. Ключевский и формирование в России культурной памяти о князе М. В. Скопине-Шуйском	43
<i>Мурашов Д. Ю.</i> Память о В. О. Ключевском в культурном пространстве Пензенской области (советская эпоха)	50
<i>Первушкин В. И.</i> В. О. Ключевский о роли волжско-окского междуречья в формировании русской народности	59
<i>Сухова О. А.</i> В. О. Ключевский и российская идентичность	62
<i>Шувалов В. И.</i> Проблема «отзеркаливания культуры» в работе В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о московском государстве»	70
НАСЛЕДИЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО В ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЕ	
<i>Белохвостиков Е. П.</i> «Начертание церковной истории» Иннокентия Пензенского – учебник, по которому учился В. О. Ключевский	74
<i>Егоров С. Н.</i> Родственник В. О. Ключевского – участник Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в России 1918–1922 гг.....	80
<i>Киреева М. М.</i> Проблемы современной российской истории через парадигму многофакторного подхода В. О. Ключевского.....	82

Профессор В. О. Ключевский в воспоминаниях учеников

Вячеслав Алексеевич Власов

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются характерные черты и особенности ученого и педагога, на которые обращали внимание его ученики, в частности такие, как сочетание силы научной мысли с художественными образами и артистическим искусством В. О. Ключевского, его остроумие, иронию и юмор, а также умение пробудить живой интерес к своему прошлому, скромность и непритязательность профессора.

Ключевые слова: ученый, педагог, лектор-чародей, история России, благодарные студенты, последователи историка

Professor V.O. Klyuchevsky in the memories of students

Vyacheslav A. Vlasov

Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The article examines the characteristic features and features of the scientist and teacher that his students drew attention to, in particular, such as the combination of the power of scientific thought with the artistic images and artistic art of V.O. Klyuchevsky, his wit, irony and humor, as well as the ability to arouse keen interest in his past, modesty and unpretentiousness of the professor.

Keywords: scientist, teacher, charade lecturer, history of Russia, grateful students, followers of the historian

Уже 110 лет Василий Осипович Ключевский, как крупный учёный, педагог и человек продолжает жить не только в своих многочисленных работах, идеях, но и в воспоминаниях своих учеников, воспоминаниях, которые воспринимаются нами сегодня как «настоящее прошлое». И это не случайно. Работая в разные годы в пяти учебных заведениях Москвы (Московский университет, Московские высшие женские курсы профессора В.И. Герье, Училище живописи, ваяния и зодчества, Московская духовная академия, Александровское военное училище), читая личные лекции, Ключевский показал себя необыкновенным лектором, обладающим магическим действием на своих слушателей. В нём органически сочетались сила научной мысли с художественной образительностью и с артистическим искусством. Он поднял историописание на уровень высших достижений русской литературы.

Среди учеников Ключевского можно выделить тех, кто был «оставлен при кафедре» университета (П.Н. Милоков, М.К. Любавский,

© Власов В. А., 2021

Н.А. Рожков, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье), так и тех, кто стал известным историком, краеведом (М.Н. Покровский, С.А. Котляревский, А.И. Яковлев, С.К. Боголюбский, С.Д. Яхонтов, В.И. Пинста, С.В. Бахрушин, Я.Л. Барсков, М.М. Карпович, Г.В. Вернадский и др.). Направивается аналогия: в своё время студент Московского университета Василий Ключевский очень внимательно слушал своих преподавателей, пристально наблюдал за ними, за манерой чтения лекций и подробно описывал их в своих письмах в Пензу (Ф.И. Буслаев, С.М. Соколов, С.В. Ешевский, Н.А. Сергиевский, П.Д. Юркевич и др.) [1], а позднее использовал какие-то поправившиеся приёмы и в своей практике. С другой стороны, немало учеников самого Ключевского также очень внимательно относились к своему преподавателю и оставили интересные воспоминания, а также использовали в своей работе некоторые подходы уважаемого педагога.

Часть студентов особо выделяла первую, вводную лекцию по курсу «История России», который читал Ключевский в Московском университете в течение двух лет по две двухчасовые лекции в неделю. Так, М.Н. Покровский вспоминал, «какое цельное и яркое впечатление произвела на него вводная, первая лекция курса» [2, с. 211]. А.А. Кизеветтер писал о том, что имя Ключевского его привлекало ещё в далёком Оренбурге. Конечно, не он один предвкушал слушание лекций знаменитого профессора «как нечто заманчивое, сулящее высокое наслаждение». При этом, нередко бывает так, что особые ожидания приводят к некоторому разочарованию. Однако в этом случае было не так... «Большая аудитория набивалась битком, – отмечал Александр Александрович, – обливаясь потом и нажимая друг на друга, студенты терпеливо выстаивали до звонка; так велико было желание не пропустить вступительной лекции Ключевского. Вскоре, с величайшим трудом протискиваясь сквозь густую толпу студентов, к кафедре стал приближаться как-то бочком невысокий брюнет с небольшой острой бородкой и с ниспадающей на лоб узкою прядью чёрных волос. Через несколько секунд зазвучал тихий, крадучиво-мягкий голос, с чрезвычайно характерными, несколько певучими переливами, благодаря которым почти каждое слово подавалось со своей особой интонацией, словно изваянное, осязательно-выпуклое. Можно сказать безошибочно, что к концу вступительной лекции все слушатели были влюблены в этого лектора-чародея. И затем весь его двухгодичный курс прослушивался с тем же напряжением и восхищенным вниманием» [2, с. 74].

М.М. Богословского в лекциях и научных трудах В.О. Ключевского поражала в первую очередь «необыкновенная, непривычная для исторического ума точность выражений. Каждому явлению, которое исследовал, он давал ясное и точное определение; каждое отношение, которое он устанавливал, он выражал в сжатой и отчётливой формуле, запоми-

навшейся потом со студенческой скамьи на всю жизнь. Эта математическая точность определений и формул вместе с художественной красотой и меткостью сравнений и эпитетов составляет то оригинальное и особенное, чем отличается стиль Ключевского. Михаил Михайлович обращает особое внимание и на то, что В.О. Ключевского возмущала порча русского языка в научных сочинениях: «Наш учёный язык, — не без раздражения замечал Василий Осипович в одной из своих рецензий, — благодаря небрежному обращению с русским лексиконом стал превращаться в неуклюжий и неудобопонятный жаргон, который только мешает распространению и ясному пониманию идей, добываемых учёными работами» [3, с. 35]. О языке лектора Ключевского писал и А.И. Яковлев: «...С кафедры послышалась его спокойная, мерная, необыкновенно отчётливая речь, отчеканившая каждое предложение и, особенно, окончания произносимых слов, так что для внимательного слушателя не мог пропасть ни один звук, ни одна интонация нетерпко, но необыкновенно ясно звучащего голоса. Построение каждой фразы было неизменно правильным: никаких оговорок, повторений, никаких вводных словечек... Да, перед нами был чародей живой человеческой речи, владевший ею так, как мастер скрипичной или клавиатурной игры владеет своим инструментом» [4, с. 95-96].

При этом следует учитывать и то, что судьба не дала ему громкого голоса, известно, что он страдал заиканием, но упорная работа над дикцией, стремление к медленному и отчетливому произношению каждого слова обеспечили первое и основное для всякого лектора требование — понятность дикции для слушателей, сидящих в любом углу аудитории. К стати, многие слушатели Ключевского отмечали, что заикание, паузы, которые были вынуждены, он представлял смысловыми, и это придавало лекции некоторую пикантность. Это свидетельствовало о высоком уровне мастерства лектора, умеющего некоторые свои недостатки превращать в достоинства, о профессиональном владении любой аудиторией. Тот же А.И. Яковлев спустя десятилетия после окончания университета отметил, что «лекционная деятельность была для В.О. не долгом, не службой, а призванием, такой же страстью, какой для артиста является художественное творчество на сцене. Награда лектора была не в материальных результатах и не в аплодисментах назлектризованной аудитории, от которых В.О. всегда хмуρο и досадливо отмахивался, а только в пробуждении в молодых слушателях живого интереса к родному прошлому, к созидавшим русскую жизнь героям, подвижникам и мученикам русского народа, одним метким словом, жестом, игрой лица, интонацией снова возрождаемых гениальным лектором, превращаемых им из смутных теней в живых людей, которые сами вот тут, только что перед нами действовали и говорили со слушателями голосом лектора-художника» [4, с. 98-99]. «В умении научить не только понимать, но и чувствовать прошлую жизнь, Ключевский не имеет себе равных, — считал и С.Д. Яхон-

тов. — Вот они идут, люди давние, вот она движется то запинаясь, то бурля, русская жизнь. Лектор заставлял и содрогаться, и тосковать, и смеяться, переноса из эпохи в эпоху» [6, с. 181].

Многие слушатели Ключевского, встречавшиеся с ним в самых разных аудиториях, не могли не отметить его высокохудожественные сравнения, афоризмы, иронию и юмор. Академик М.В. Нечкина насчитала свыше тысячи подобных выражений. С.Ф. Платонов подчеркнул такую особенность лектора, когда «неожиданные всплески едкого и оригинального юмора, вызывая неудержимую улыбку, надолго западали в нашу память» [3, с. 97]. А.А. Кизеветтер считал, что «из остроумных и поражающих своей меткостью афоризмов определений, эпитетов, и юмор, которыми насыщен курс Ключевского, можно было бы составить целую книгу. Остроумие Ключевского поистине не знало пределов. Если образы и стилистические фигуры, которыми сверкал его курс, были у него заготовлены заранее и даже повторялись из года в год, то это отнюдь не значило, чтобы он был способен только к придуманным и выношенным блестящим остроумиям. Нет, его уму было свойственно остроумие кипучее, пенящееся и мгновенно вспыхивавшее ослепительным фейерверком. Прелесть его острот состояла в том, что в каждой из них, наряду с совершенно неожиданным сопоставлением понятий, всегда таилась очень тонкая мысль» [5, с. 52-53].

Однажды в Московской духовной академии, где Ключевский одновременно с университетом читал курс русской истории, справили его юбилей. Дорогого учителя пришли поздравить его многочисленные ученики, из которых некоторые носили уже монашеское платье, а другие, еще пребывали в миру. Выслушав приветственные речи, Ключевский сказал: «От всего сердца благодарю, господа, всех, как тех, которые уже приняли образ ангельский, так и тех, кто еще не утратил образа человеческого» [5, с. 51].

Один из учеников Ключевского по Московской духовной академии, будущий рязанский краевед, С.Д. Яхонтов отмечал, что приезд профессора «ожидался как желанный день. Ни один из профессоров русских университетов, как тип человеческого и специально русский, не был своеобразней и ценнее для нашей жизни, чем он. В аудитории старорусской постройки с тусклыми окнами, под чудотворным словом Василия Осиповича, мы, слушатели, иногда доходили до исторических галлоциаций...» [6, с. 180]. После его лекций, писал Сергей Дмитриевич, любовь к истории России зарождалась вполне естественно, «а что стиль его вызывал подражание — само собой понятно. Все приёмы поведения его на лекциях так на меня действовали, что я подражал ему несознательно, невольно (в течении всего моего 45-летнего преподавания). Есть разные виды счастья: счастлив и тот, кто был слушателем или учеником Ключевского» [6, с. 182].

На данную особенность педагога указывали и другие его ученики. Так, известный политический деятель, депутат Государственной думы, лидер партии кадетов П.Н. Милюков, весьма неоднзначно оценивавший В.О. Ключевского, тем не менее также признавал, что в своей научной работе часто следовал установкам своего учителя. А во вступлении к юбилейному изданию своих «Очерков по истории русской культуры» (Париж, 1937 г.) Павел Николаевич отметил, что имеющаяся в его работе тенденция отдавать преимуществу особенностям русского исторического процесса, а не общим чертам сходства с общеевропейским, восходит, возможно, к Ключевскому. М.К. Любавский осознавал себя продолжателем исследований Ключевского: «Над чем бы мы не работали, мы всегда исходили из «Курса русской истории...» [7], а Н.А. Рожков признавал, что Ключевский «способствовал формированию у него социологического видения истории» [8, с. 161].

В связи с тем, что остроумие Ключевского поистине не знало пределов, шутки порой носили довольно острый характер и острый язык не щадил никого, некоторые слушатели считали его скептиком, довольно отдалённо стоявшим от патристических позиций. Между тем, по словам А.А. Кизеветтера,

«эта мезистофелевская репутация Ключевского далеко не отвечала действительности. Под маской беспощадного остроумия в нем таилась душа, горячо чувствующая и даже чувствительная. Он только не любил пускать посторонних в святая святых своей души. Ведь это совершенно неверно, что будто бы в его курсе все сводится к развенчанию всего героического в русской истории. Такое мнение мне приходилось слышать не раз. А разве можно отрицать, что через весь этот курс проходит глубокая вера в даровитость и творческую силу русского народа? Этот «скептик» и «остряк» был горячим патриотом и народолюбцем, но только его любовь к родному народу никогда не принимала характера идеализации. Вот к этому он действительно был неспособен; до этого его не допускали острый критический ум и чувство духовной независимости. Любить он умел. Но он не умел и не желал превращать любовь к кому бы и чему бы то ни было в низкопоклонство и распластывание во прахе [5, с. 53].

Многие ученики Ключевского заслуженно признавали его создателем научной истории России. При этом высоко оценивалась и роль одного из учителей самого Ключевского – академика С.М. Соловьёва. «У нас два великих историка – Соловьёв и Ключевский», – писал С.Д. Яхонтов. – Соловьёв – это исторический архив: к нему за справками пожалуйста; к Ключевскому – за освещением, за уразумением истории... Ключевский – шире Соловьёва. Он интересовался не только политической, но более Соловьёва изучал социальную и экономическую жизнь народа» [6, с. 181]. По словам А.А. Кизеветтера, «Соловьёв с каждым новым томом

своей «Истории» всё более раздвигал рамки своего кругозора и, послушно следуя за архивными источниками, вводил в своё изложение много сведений и по истории социально-экономических отношений, и по истории нравов, и по истории умственного движения» [2, с. 35]. При этом многогранная «История» Соловьёва, «превратившись в колоссальное собрание исторических сведений, а в лучших частях своих – в ряд искусно составленных исторических картин, ещё не создавала настоящего фундамента для науки русской истории» [2, с. 36]. С началом научной деятельности В.О. Ключевского «пустыня оживилась и зацвела; жадное внимание к предмету, доголе казавшемуся сухим и малопоучительным, охватило широкие круги историков, когда бесформенные глыбы ранее накопленных материалов под вдохновенным резцом истинного мастера начали преобразжаться в стройное здание научной мысли, исполненное изысканной красоты и прочно спаянное цементом строгого метода. Его социологическая схема строилась на идее зависимости политических факторов от социальных процессов, основу которых историк усматривал в эволюции народного хозяйства. Так была создана первая научная схема русской истории» [2, с. 37].

«О Соловьёве, – писал М.М. Богословский, – он отзывался с самым глубоким уважением и себя, кажется, до последних дней всё считал его учеником, по удивительной своей скромности не замечая, что давно уже перерос учителя. На одной из лекций я услышал такую фразу Василия Осиповича: «Я — ученик Соловьёва, вот всё, чем я могу гордиться, как ученик», и надо было слышать, с какою гордостью произносилось при этом имя Соловьёва» [2, с. 53]. Безусловно, такими фразами о своих наставниках Ключевский показывал своим студентам пример благодарного отношения ученика к своему учителю...

Немало студентов небезосновательно считали Ключевского требовательным и строгим педагогом, не забывая при этом и его заботливое отношение к своим воспитанникам. «Он был недоверчив до мнительности, – отмечал А.А. Кизеветтер. – Малейшая детонация в отношениях, какое-нибудь случайно сорвавшееся не совсем удачное слово мгновенно коробили его, и он свеживался и уходил в себя. Пушкин сказал, что «старость ходит осторожно и подозрительно глядит». А Ключевский во все возрасты своей жизни неуклонно держался этой тактической линии. Приобрести его доверие было весьма нелегко. Зато когда наконец лёд был сломан, вы получали истинно чарующее наслаждение от общения с этим бездонно умным, беспредельно талантливым, по внешности колотым, а в сущности в высшей степени добрым человеком. Он был добр не на словах, а в делах. Я знаю случаи, когда после продолжительного заседания он, не пообедав, ехал на окраину города и уже старческими ногами избирался по лестнице в студенческую мансарду для того, чтобы поско-

рее сообщить студенту благоприятное для его дела постановление факультета [5, с. 53]. Ю.В. Готье также замечал: «Пойти к Василию Осиповичу за советом и справками, просить его указаний и содействия в студенческих работах было делом не лёгким. Бывали случаи, когда Василий Осипович сердился и негодовал на молодых людей, им же самим оставленных при университете, когда они слишком докучали ему своими вопросами, не желая или не умея «доходить самим» до dna исторических первоисточников, и он не стеснялся громко выражать свое негодование, когда видел или думал, что человек, заявивший о своем желании специально заниматься русской историей, ленился или хотел, не напрягая больших усилий, добиться результатов, недостижимых без упорной и продолжительной работы. Мне кажется, что «доходи сам» было его лозунгом, его девизом в отношениях к начинающим специалистам и к молодым ученым. Его требования были определены и просты: основное знакомство с первоисточниками и проверка их исторической литературы» [2, с. 68-69]. С.А. Котляревский добавлял к этой картине ещё один важный штрих педагога-мастера: «Невольно хочется вспомнить слова Бэкона, что как ни велика заслуга человека, открывающего людям новые знания, она еще больше, если он открывает пути, которыми можно достигнуть знаний» [2, с. 21].

Многим запомнилось и поведение Ключевского на экзаменах: «Редко кто так просто и обаятельно держал себя на магистерском экзамене, как Василий Осипович, — отмечал Ю.В. Готье. — Не генералом от науки выступал он здесь, но старшим товарищем, ободрявшим смущенного новобранца; не судья говорил здесь с подсудимым, а наставник с учеником, и робость, овладевавшая экзаменующимся перед громадным знанием и высоким авторитетом экзаменатора, под влиянием ободряющих кивков склоненной головы, сменялась уверенностью в своих силах и чувством доверия и благодарности к строго смотревшему и внимательно слушающему учителю [2, с. 71].

Называя своего учителя «идеальным историком», «чародеем живой человеческой речи», «учёным мирового калибра», «гениальным лектором-артистом», «оригиналом-самородком» студенты неизменно подчёркивали скромность, непритязательность истинного Мастера своего дела. Это проявлялось и во внешности, манере поведения профессора: «войдёт своей осторожной походкой, скромно займёт место так, чтобы быть наименее заметным», «худощавый, необыкновенно живой и подвижный, свою подвижность как бы отражавший гибкостью одушевленной его мысли, он не казался обладателем большой физической силы; но его организм скрывал в себе неистощимый запас здоровья, позволявший ему развивать такую поразительную работоспособность» (М.М. Богословский); «в дверях показалась согбенная, но быстрая в движениях,

худощавая фигура с тем замечательным простым русским лицом, которое теперь известно всякому грамотному русскому человеку. В. О. быстро поднялся на кафедру, жестом остановил гремящие было при его появлении восторженные аплодисменты, и с кафедры послышалась его спокойная, мерная, необыкновенно отчетливая речь» (А.И. Яковлев); «с величайшим трудом протискиваясь сквозь густую толпу студентов, к кафедре стал приближаться, как-то боком, словно крадучись и за что-то цепляясь, невысокий бронет с небольшой острой бородкой клинышком и с ниспадавшей на лоб узкою прядью черных волос. Через несколько секунд зазвучал тихий, вкрадчиво-мягкий голос, с чрезвычайно характерными, несколько певучими переливами, благодаря которым почти каждое слово подавалось со своей особой интонацией, словно изваянное, осязательно-выпуклое» (А.А. Кизеветтер).

«До конца своих дней, будучи уже знаменитым ученым с мировой славой, общепризнанным главой всей современной русской историографии, Ключевский сохранил в своем обиходе привычки бедной и невзыскательной молодости, — писал А.И. Яковлев, — ездил по железной дороге и 3-м классе, останавливался при поездках на лекции в Загорск (в Духовную академию) в том же номере гостиницы, в котором начал останавливаться молодым доцентом академии в 1870 г., одевался у дешевого домашнего портного, так что по внешнему виду знаменитый, всей России известный, ученый не отличался от любого опрятного одетого мастерового» [2, с. 119]. Единственным украшением невзрачного домика на Житной улице был довольно значительный для Москвы садик в глубине двора. Это была обстановка скромного преподавателя средней школы, личная всякого намека не только на роскошь, но даже и на простую комнату, к которому В. О. относился со странной враждебностью, как по движник церкви в изученных им житиях святых. «Эта скромность, — писал А.И. Яковлев, — отнюдь не была связана со скупостью: Ключевский всегда готов был помочь нуждающемуся студенту или курсистке, а просто была впитана им в дни его бедной молодости и стала как бы его натурой. Единственной роскошью скромной квартиры, если это можно назвать словом роскошь, В. О. был большой портрет масляными красками, написанный с него московским художником Шервудом, принесенный им в дар своей модели и висевший в комнате жены Анисии Михайловны» [2, с. 120].

Таким остался в памяти своих благодарных учеников профессор Василий Осипович Ключевский. По словам А.А. Кизеветтера, сказанным сразу после ухода в 1911 г. из этой жизни крупного ученого, педагога и человека, «природа наделила его редким сочетанием таких дарований, которые почти никогда не совмещаются в одном человеке и которые, между тем, лишь в своем соединении образуют идеального историка.

Ученый и поэт, великий систематик-схематизатор и чуткий изобразитель конкретных явлений жизни, первоклассный мастер широких обобщений и несравненный аналитик, ценивший и любивший детали, микроскопические наблюдения, – таков был Ключевский, как историк» [2, с. 40].

Список литературы

1. Письма В. О. Ключевского в Пензу. Пенза : ПГОКМ, 2002. 178 с.
2. В. О. Ключевский: воспоминания и исследования. СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2017. 265 с.
3. В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.
4. Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск, 1946.
5. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1994. 524 с.
6. Ключевский В. О. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. 391 с.
7. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1918. Предисловие.
8. Рожков Н. А. Автобиография // Каторга и ссылка. 1927. № 32.

В. О. Ключевский. Философия русской истории

Андрей Александрович Гагаев¹, Павел Александрович Гагаев²

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

²Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Исследуется философия русской истории в прочтении В. О. Ключевского. Русская история ученым трактуется как пространственно-временная этнокультурная реальность-духовность. Отличительной чертой указанной реальности выступает движение народа к освоению новых пространств (географических и духовных).

Ключевые слова: Ключевский, философия, история, русская история, русский народ, историческая личность

V.O. Klyuchevsky. Philosophy of russian stories

Andrey A. Gagev¹, Pavel A. Gagev²

¹Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

²Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The article examines the philosophy of Russian history as read by V.O. Klyuchevsky. Russian history is interpreted by scientists as a spatio-temporal ethno-cultural reality-spirituality. A distinctive feature of this reality is the movement of the people to the development of new spaces (geographical and spiritual).

Keywords: Klyuchevsky, philosophy, history, Russian history, Russian people, historical personality

Введение

Предмет философии истории – предельные основания бытия и познания тех или иных человеческих цивилизаций (германо-романских, арабских, русских и пр.). Данное определение вполне соотносится с пониманием вопроса В.О. Ключевским в его Курсе русской истории. Обищая задача историка – «уяснение происхождения и развития человеческих обществ» [1, с.98].

Философия русской истории

Постижение русской истории, по В.О. Ключевскому, основывается на следующих положениях (в них представлено его видение онтологии, аксиологии и гносеологии русской истории):

1. Русская история есть отдельная, самодвижущая, саморазвивающаяся, самоценная и самоосознающая себя историческая реальность в